

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ ОРГАНИЧЕСКАЯ ФИЗИКА

§ 337 [360]

Реальная тотальность тела как бесконечный процесс, в котором индивидуальность определяет себя к особенности или конечности, а также отрицает ее и возвращается в себя, восстанавливаясь в конце процесса в своем начальном виде, есть, таким образом, возвышение в первую идеальность природы; но такое возвышение, при котором она стала *наполненной* и, как относящееся к самому себе *отрицательное* единство, существенно *самостной* и *субъективной*. Идея пришла тем самым к существованию — сначала к непосредственному существованию, к жизни. Это есть:

- А. как образ всеобщая картина жизни, геологический организм;
 - Б. как особенная, формальная субъективность *растительный* организм;
 - С. как единичная конкретная субъективность *животный* организм.
- Идея¹ обладает истиной и действительностью лишь постольку, поскольку она в себе *субъективна* (§ 215); жизнь в качестве только *непосредственной* идеи остается, следовательно, вне себя, есть не-жизнь, есть только труп процесса жизни — организм как тотальность неживой, механической и физической природы.

В отличие от этого субъективная жизненность, живое начинается в *растительной* природе; это — индивидуум, но как сущий вне себя, еще распадающийся на свои члены, которые в свою очередь суть индивидуумы.

Лишь *животный* организм развит до таких различий формы, которые существуют только как его члены, благодаря чему он является *субъектом*. Жизненность как естественное явление распадается на неопределенное множество живых существ, которые, однако, в самих себе являются субъективными организмами; и только в идеи они составляют *одну* жизнь, *одну* органическую систему жизни.

А. ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА

§ 338 [366]

Первый организм, уже поскольку он сначала определяется как непосредственный или сущий *в себе*, не существует как *живое*; ибо жизнь как субъект и процесс есть по существу *самоопосредствующая* деятельность. С точки зрения субъективной жизни первый момент *обособления* состоит в том, чтобы творить из себя свою собственную *предпосылку*, сообщать себе таким образом форму *непосредственности*⁴ и в ней *противопоставлять* друг другу свое условие и свое внешнее устойчивое существование. Углубление (*Erinnerung*) идеи природы в саму себя до степени субъективной и далее духовной жизненности есть *первodelение* (*das Urteil*) на себя и на эту непроцессуальную непосредственность. Эта предпосылаемая себе *субъективной* тотальностью непосредственная тотальность есть только *образ* (*die Gestalt*) организма — *земное тело* как *всеобщая система индивидуальных тел*.

§ 339 [366]

Члены этого лишь в себе сущего организма не содержат поэтому процесса жизни в самих себе и составляют лишь внешнюю *систему*, чьи образования обнаруживают развертывание некоторой лежащей в основе идеи, причем, однако, *процесс образования* этой идеи лежит *в прошлом*. Силы этого процесса, оставляемые природой по ту сторону Земли в качестве самостоятельных начал, суть связь и положение Земли в солнечной системе, ее солнечная, лунная и кометная жизнь, наклон ее оси к орбите и магнитная ось. С этими осями и их поляризацией ближайшим образом связано распределение моря и суши, сплошное распространение суши на севере, разделение и заострение ее частей к югу, дальнейшее обособление на Старый и Новый свет, затем разделение первого на части, отличные друг от друга и от Нового света по своему физическому, органическому и антропологическому характеру, части, к которым примыкает часть света еще более молодая, еще более незрелая; наконец, горные цепи и т. д.

§ 340 [375]

Физическая организация начинается как непосредственная не с простой, закутанной формы зародыша, а с исходной формы, которая

распалась надвое: на конкретный гранитный принцип — горное ядро, содержащее в себе уже в развитом виде тройственность моментов, и на известковое, на сведенное к *нейтральности* различие. Выявление моментов *первого* принципа в формообразовании совершается в постепенной последовательности, в которой дальнейшие образования *частично* суть переходы, и в них гранитный принцип остается основой, но только становится менее однородным и оформленным; *частично* же наступает расхождение его моментов в более определенные различия и в более абстрактные минеральные моменты, в металлы и ископаемые предметы вообще, пока, наконец, развитие не теряется в механических напластованиях и лишенных имманентной оформленности наносах. Наряду с этим происходит дальнейшее образование *другого*, нейтрального принципа — с одной стороны, как более слабый параллельный преобразовательный процесс, а с другой — так, что оба принципа переплетаются в срастающихся образованиях до полного внешнего смешения.

§ 341 [386]

Кристалл жизни, этот мертвый организм Земли, который имеет свое *понятие* в сидерической связи вне себя, а свой своеобразный процесс в виде предпосыпаемого прошлого, есть *непосредственный субъект* метеорологического процесса, которым он как сущая *в себе* тотальность жизни оплодотворяется уже не только к созданию индивидуального образа (см. § 287), но и к *жизни*. Суша, и в особенности море, как такая реальная возможность жизни бесконечно вспыхивает в каждой точке *точечной* и *скоропреходящей* жизненностью: лишай, инфузории, несметные количества фосфоресцирующих живых точек в море. Однако *generatio aequivooca* как имеющее объективный организм вне себя и есть как раз то, что в этом лишь точечном создании органического не развивается в самом себе до определенной расчлененности и не воспроизводит самого себя (*ex ovo*)²⁸.

§ 342 [393]

Это разделение всеобщего, внешнего для себя организма и этой лишь точечной, скоропреходящей субъективности разрешается благодаря существу в себе тождеству ее понятия в *существование* этого тожде-

ства, в *живой организм*, в расчлененную в самой себе субъективность³⁶, которая выключает из себя лишь *в себе* сущий организм, физическую всеобщую и индивидуальную природу и противополагает себя ей, но вместе с тем имеет в этих силах условие своего существования, возбуждение как материал своего процесса.

В. РАСТИТЕЛЬНАЯ ПРИРОДА

§ 343 [398]

Субъективность, согласно которой органическое есть единичное, развивается в *объективный* организм, в *образ* как в некое тело, расчлененное на части, которые *различаются друг от друга*. В растении, этом *еще лишь непосредственно* субъективном носителе жизни, объективный организм и его субъективность³⁷ еще непосредственно тождественны; благодаря этому процесс расчленения и самосохранения растительного субъекта есть выход вовне себя и распадение на ряд индивидуумов, для которых единый целый индивидуум является скорее лишь почвой, чем субъективным единством членов; часть — почка, ветвь и т. д. — является вместе с тем целым растением. Поэтому же различие *органических частей* является здесь лишь поверхностной *метаморфозой*, так что одна часть легко может перейти к функции другой.

§ 344 [400]

Процесс образования и воспроизводства *единичного* индивидуума совпадает, таким образом, с родовым процессом и есть вековечное произведение новых индивидуумов. Так как самостная всеобщность, субъективное единство индивидуальности, не отделяется от реального обособления, а лишь погружена в нее, и, значит, растение еще не есть сущая для себя субъективность в противоположность своему *сущему в себе* организму (§ 342), то оно не определяет само для себя своего положения, не способно двигаться с места и не имеет самостоятельности по отношению к физическому обособлению и *индивидуализации*; у растения нет поэтому прерывистой интуссусцепции³⁹, а есть лишь непрерывно текущее питание, и оно находится в связи не с индивидуализованным неорганическим, а со всеобщими стихиями. К животной теплоте и ощу-

щению оно способно еще меньше⁴⁰, ибо оно не есть процесс, который возвращал бы его члены, представляющие собой скорее части и самостоятельные индивидуумы, к отрицательному, простому единству.

§ 345 [408] *

Но как органическое растение существенно расчленяется на различность абстрактных (клетки, волокна и т. п.) и более конкретных образований, остающихся, однако, в своей изначальной однородности. *Образ* растения, как еще не возвысившийся из индивидуальности до субъективности, остается близок к геометрическим формам и к кристаллической правильности⁵², подобно тому как продукты его процесса стоят ближе к химическим продуктам.

Примечание. «Метаморфоза растений» Гёте положила начало разумным мыслям о природе растений, увлекши представление с пути старательной работы над отдельными подробностями к познанию единства жизни. Тождество органов имеет преобладающее значение для категории метаморфозы; но определенное различие и своеобразная функция членов, чем и полагается процесс жизни, составляют необходимое дополнение к этому субстанциальному единству. *Физиология* растений по необходимости является более темной, чем физиология животного тела, потому что она проще, потому что ассимиляция проходит здесь через немногие посредствующие ступени и изменение совершается как *непосредственное воздействие*. Как во всяком процессе естественной и духовной жизни, главное в ассимиляции и выделении заключается в *субстанциальном* изменении, т. е. в *непосредственном* превращении какого-нибудь внешнего или особенного вещества вообще в другое; есть точка, в которой дальнейшее опосредствование, происходит ли оно химически или с механической *постепенностью*, обрывается и становится невозможным. Эта точка присутствует повсеместно и все собой проникает; и незнание или, вернее, непризнание этого простого отождествления, а также простого разъятия как раз и делает невозможной физиологию живого. Интересные выводы о физиологии растений содержатся в сочинении моего коллеги г-на проф. К. Г. Шульца («Die Natur der lebendigen Pflanze, oder die Pflanzen und das Pflanzenreich», в двух томах), которое я должен здесь назвать особенно потому, что некоторые из излагаемых ниже основных положений о процессе жизни растений заимствованы мной оттуда.

§ 346 [421]

Процесс, который есть жизнь, должен, при всем своем *единстве*, разложиться на тройственность процессов (§217-220).

§ 346 a [422]

а) Формообразующий процесс, *внутренний* процесс *отношения растения к самому себе* есть вместе с тем, согласно простой природе растительного, отношение к внешнему и овнешнение (*Entäußerung*). С одной стороны, это *субстанциальный* процесс, *непосредственное* превращение отчасти поступающих извне питательных веществ в специфическую природу растения, отчасти внутренне преобразованной жидкости (*жизненных соков*) в различные образования. С другой стороны, как *опосредствование самим собой* а) процесс начинается и с направленного вовне разъятия на корень и лист и с внутреннего, абстрактного разъятия всеобщей клеточной ткани на древесные волокна и на сосуды, из которых первые тоже относятся к внешнему, а последние содержат в себе *внутренний круговорот. Сохранение*, опосредуемое таким путем самим собой, есть β) *рост* как производство новых образований, расходжение в *абстрактное* отношение к самому себе, в *отвердение дерева* (вплоть до окаменения в кремнистых сгустках и т. д.) и других частей и в *кору* (пребывающий лист). γ) Сосредоточение самосохранения в единстве не есть смыкание индивидуума с самим собой, а есть производство нового растительного индивидуума — *почки*.

§ 347 [441]

б) Формообразующий процесс непосредственно связан со вторым, *специфицирующимся вовне, процессом*. Семя прорастает только при возбуждении извне, и распадение формы на корень и лист есть в то же время распадение⁷¹ по направлению к земле и воде и по направлению к свету и воздуху — распадение на всасывание воды и на ее ассимиляцию, опосредованную листом и корой, а также светом и воздухом. Возврат в себя, которым заканчивается ассимиляция, не имеет своим результатом *самость* во внутренней субъективной всеобщности по отношению к внешнему, не приводит к самоощущению. Растение увлекается скорее за свои пределы светом как внешней ему самостью, оно возносится на встречу ему, разветвляясь на множество индивидуумов. *В себя* оно вос-

принимает из него специфическую огненность и силу, пряность, духовность запаха, вкуса, блеск и глубину краски, сжатость и мощь образа.

§ 348 [449]

с) Растение рождает, таким образом, свой свет из себя как свою *собственную* самость в *цветке*, в котором впервые нейтральный зеленый цвет определяется в виде какого-либо специфического цвета. *Родовой процесс* как отношение индивидуальной самости к самой себе, будучи возвратом в себя, *задерживает* рост как неограниченное пускание все новых побегов. Но растение не доходит до взаимоотношения индивидуумов как таковых, а лишь до такого различия, стороны которого не суть вместе с тем целые индивидуумы в себе, не определяют целую индивидуальность, и которое дает поэтому не больше чем лишь начало и предварительный очерк родового процесса. *Зародыш* приходится здесь рассматривать как один и тот же индивидуум, жизнь которого проходит через этот процесс, и, вернувшись в себя, одновременно сохраняется и созревает в семя; но все это движение в целом излишне, так как процессы формообразования и ассимиляции, будучи произведением новых индивидуумов, уже сами представляют собой воспроизведение.

§ 349 [460]

Но в понятии положено то, что процесс представляет сомкнувшуюся с самой собой индивидуальность⁸⁶ и снимает части, являющиеся прежде всего особями, так же как и принадлежащие к опосредствованию и преходящие в нем моменты, — снимает, следовательно, *непосредственную единичность и внеположность* растительной жизни. Этот момент отрицательного определения обосновывает переход к подлинному организму⁸⁷, в котором внешний образ согласуется с понятием, так что части являются в нем по существу членами, а субъективность — всепроникающим *единством* целого.

С. ЖИВОТНЫЙ ОРГАНИЗМ

§ 350 [461]

Органическая индивидуальность существует как *субъективность*⁸⁸, поскольку самостоятельная внешность образа идеализуется в форме членов и организма в своем процессе вовне сохраняет в самом себе самостное единство⁸⁹. Это есть *животная природа*, которая в действительности и внешности непосредственной единичности есть вместе с тем *рефлектированная в самой себе самость единичности*, в самой себе сущая субъективная всеобщность (§ 163).

§ 351 [462]

Животное обладает способностью случайного *самодвижения*, ибо его субъективность подобно свету⁹⁰, этой освобожденной от тяжести идеальности, есть свободное время, которое, будучи изъято из реальной внешности, самостоятельно *определяет свое место* во внутренней случайности. С этим связано то, что животное имеет голос, потому что его *субъективность* как *действительная идеальность* (душа) властвует над абстрактной идеальностью времени и пространства и представляет собой его произвольное движение как свободное содрогание в самом себе. Оно обладает животной *теплотой*, этим непрекращающимся *процессом распада*, сцепления и самостоятельности частей в непрекращающемся сохранении образа; оно обладает, далее, *непрерывной интуиссусцепцией* как индивидуализированным отношением к индивидуальной неорганической природе; но прежде всего оно обладает *чувством* как в своей определенности непосредственно *всеобщая*, просто остающаяся при себе и сохраняющаяся индивидуальность, как *существующая идеальность определенности*.

§ 352 [467]

Животный организм, будучи живой всеобщностью, есть понятие, которое проходит через свои три определения как умозаключения, из которых каждое есть *в себе* одна и та же тотальность субстанциального единства и вместе с тем, согласно определению формы, переход в дру-

тие, так что в *результате* этого процесса возникает тотальность как существующая. Только как это воспроизведяющее себя, а не как сущее живое есть и сохраняется; оно есть лишь постольку, поскольку оно само делает себя тем, что оно есть; оно есть предшествующая цель, которая сама является только результатом. Организм следует поэтому рассматривать: во-первых, как индивидуальную идею, которая в своем процессе относится только к *самой себе* и внутри самой себя смыкается с собой — *образ*; во-вторых, как идею, которая относится к своему другому, к своей неорганической природе, полагая ее в самой себе идеально, — *ассимиляция*; в-третьих, как идею, относящуюся к другому, которое само есть живой индивидуум, и, следовательно, относящуюся в другом к самой себе — *родовой процесс*.

a. Образ

§ 353 [468]

Образ⁹¹ есть животный субъект как целое *лишь в отношении к самому себе*; он является в себе *понятие* в его развитых и получивших в нем существование *определениях*. Эти определения, хотя в самих себе как в субъективности они и конкретны, наличествуют здесь а) как простые элементы понятия. Животный субъект есть поэтому: 1. его простое, *всеобщее в-самом-себе-бытие* в его внешности, благодаря чему действительная определенность включается *непосредственно* как особенность *во всеобщем*, и это последнее оказывается неразделимым в себе тождеством субъекта с самим собой — *чувствительность*; 2. *особенность* как возбуждение извне и исходящее из воспринимающего субъекта обратное воздействие вовне — *раздражимость*; 3. единство этих моментов, *отрицательный* возврат к самому себе из отношения внешности и в результате порождение и полагание себя как *единичного* — *воспроизведение*, составляющее реальность и основу двух первых моментов.

§ 354 [471]

Эти три момента понятия суть β) не только в себе конкретные элементы, но обладают реальностью в трех системах: в *нервной, кровеносной и пищеварительной*, из которых каждая как тотальность различается в самой себе согласно одним и тем же определениям понятия.

1. Так, система *чувствительности* определяет себя: αα) как крайний член *абстрактного* самоотнесения к самой себе, которое есть переход в *непосредственность*, в неорганическое бытие и бесчувственность, — переход, но не перейденность (*Übergegangensein*); это — *костная* система, которая по отношению к *внутреннему* является оболочкой, а по отношению к *внешнему* — твердой опорой внутреннего против внешнего; ββ) как момент *раздражимости* — система мозга с его дальнейшими разветвлениями в виде нервов, которые тоже являются по отношению к внутреннему ощущающими нервами, а по отношению к внешнему — двигательными; γγ) как система, принадлежащая к воспроизведению, как симпатический нерв с ганглиями, в которых имеется только глухое, неопределенное и безвольное самоощущение.

2. *Раздражимость* есть в такой же мере подверженность возбуждениям извне и обратная реакция самосохранения, как и, наоборот, активное самосохранение и в нем отдача себя другому. Ее система состоит из следующих частей: αα) *абстрактная* (*чувствительная*) раздражимость, *простое* изменение рецептивности в реактивность — *мышца* вообще; обретая в костяке внешнюю опору (непосредственное отношение к себе для своего раздвоения), она сначала дифференцируется в разгибающую и сгибающую мышцу, а затем развивается в своеобразную систему конечностей. ββ) Раздражимость, поскольку она самостоятельно и, различаясь от другого⁹², конкретно относится к себе и сосредоточена в самой себе, есть внутренняя активность, *пульсация*, живое самодвижение, материальным элементом которого может быть только *жидкость*, живая *кровь*, и которая может быть только круговоротом, причем последний, специфицированный сначала в *особенность*, из которой он происходит, удвоется в самом себе и одновременно направлен вовне — в качестве системы легких и воротной вены: в первой из этих систем кровь *воспламеняет* себя в самой себе, а во второй — по отношению к другому. γγ) *Пульсация*⁹³, как раздражающая тотальность, смыкающаяся сама с собой, есть круговорот, который от *сердца* как от своего сосредоточия возвращается в различии артерий и вен в самое себя, причем он есть в то же время *имманентный* процесс как всеобщая отдача себя *воспроизведению* остальных членов, получающих питание из крови.

3. Пищеварительная система как система желез с кожей и клеточной тканью есть *непосредственное*, растительное воспроизведение, в самой же системе внутренностей она является *опосредствующим* воспроизведением.

§ 355 [488]

γ) Для построения¹⁰⁶ образа различия элементов и их систем соединяются, во-первых, во всеобщее конкретное взаимопроникновение, так что в каждом образовании они содержатся в сочетании, а, во-вторых, сам образ подразделяется на 1. *центры трех систем* (насекомое) — голову, грудь и брюшко; к этому присоединяются еще конечности, органы механического движения и схватывания, представляющие собой момент саморазличенной вовне единичности; 2. Образ¹⁰⁷ различает себя абстрактно по двум направлениям — *внутрь и наружу*. К каждому из этих направлений относится в каждой из вышеназванных¹⁰⁸ систем внутренняя и внешняя сторона, причем последняя как различенная является на самой себе эту различенность симметрической двойственностью своих органов и членов (*Биша — vie organique et animale*¹⁰⁹); 3. целое как завершенный в самостоятельный индивидуум образ является в этой относящейся к себе всеобщности вместе с тем в себе обособленным *половым* отношением, будучи обращен вовне для сношения с другой особью. Образ, будучи замкнут в самом себе, обнаруживает на себе оба своих направления, ведущие вовне.

§ 356¹¹¹ [493]

δ) Образ, будучи живым, есть по существу процесс, и притом *абстрактный* процесс¹¹², *формообразующий* процесс внутри его самого, в каковом процессе организм превращает свои собственные члены в свою неорганическую природу, в средства, черпает силы из самого себя и сам производит себя, т. е. именно эту тотальность расчленения. Таким образом, каждый член, будучи попеременно целью и средством, сохраняет себя за счет других и против этих других, — процесс, имеющий своим результатом простое непосредственное самоощущение.

b. Ассимиляция

§ 357 [498]

Самоощущение единичности является, однако¹¹⁵, в равной мере и непосредственно *исключающим* и напряженным по отношению к неор-

ганической природе как по отношению к своему *внешнему* условию и материалу.

§ 357 a [499]

а) Так как животный организм в этом внешнем отношении *непосредственно* рефлектирован в самое себя, то это идеальное отношение есть *теоретический* процесс, чувствительность как внешний процесс, и именно как *определенное чувство*, которое дифференцируется на *многочувственность* (die Vielsinnigkeit) неорганической природы.

§ 358 [500] *

Чувства и теоретические процессы разделяются поэтому на: 1. чувство механической сферы: *тяжести*, сцепления и его изменений, теплоты, — *чувство* как таковое; 2. чувства *противоположности*, а) обособленной *воздушности*, б) реализованной *нейтральности* конкретной воды и с) противоположностей разложения конкретной нейтральности: чувства *обоняния* и *вкуса*; 3. чувство *идеальности* также является двойким, поскольку в ней как в абстрактном отношении к себе неизбежное для нее обособление распадается на два равнодушных друг к другу определения: αα) на чувство идеальности как манифестации *внешнего* для *внешнего, света* вообще, и затем света, определяющегося в конкретной *внешности*, т. е. *цвета*; и ββ) на чувство манифестации *внутреннего*, которое обнаруживается как таковое в своем внешнем проявлении, т. е. *звука*, чувства зрения и слуха.

Примечание. Здесь показано, каким образом *тройственность* моментов понятия переходит в число *пять*; более общее основание для такого перехода заключается здесь в том, что¹¹⁶ животный организм есть приведение распавшейся неорганической природы к бесконечному единству *субъективности*, но вместе с тем и ее развитая тотальность, моменты которой, будучи еще лишь *естественной* субъективностью, существуют отдельно¹¹⁷.

§ 359 [503] *

β) *Реальный процесс* или *практическое* отношение к неорганической природе начинается с разъятия в самом себе, с чувства внешности как *отрицания* субъекта, являющегося одновременно положительным от-

ношением к самому себе и уверенностью в своей победе над этим своим отрицанием, — оно начинается с чувства недостатка и влечения (*dem Trieb*) устраниТЬ его, чем обусловлена возбужденность извне и положенное в ней отрицание субъекта в форме *объекта*, против которого субъект напряжен.

Примечание. Только живое чувствует недостаток, ибо из всей природы только оно одно есть понятие, т. е. единство самого себя и своей определенной противоположности. Там, где есть предел, граница, недостаток есть отрицание лишь для чего-либо третьего, для внешнего сравнения. Но недостатком он становится постольку, поскольку в одном и том же существе есть выход за эту грань, поскольку противоречие имманентно и положено в нем. Такое существо, которое содержит противоречие в самом себе с самим собой и способно его вынести, есть субъект; в этом состоит его бесконечность. Даже и тогда, когда говорят о конечном разуме, то оказывается, что он доказывает свою бесконечность — именно тем, что определяет себя как конечное; ибо отрицание есть конечность, недостаток только для того, что представляет собой снятость этого отрицания, бесконечное отношение к самому себе (см. § 60, примечание). Недомыслие довольствуется абстракцией предела и не в силах постичь понятие даже в жизни, где оно обретает самостоятельное существование; недомыслие не идет дальше таких определений представления, как влечение, инстинкт, потребность и т. д., не спрашивая о том, что же такое эти определения сами по себе. Между тем их анализ покажет, что они суть отрицания, полагаемые как содержащиеся в самом утверждении субъекта.

То обстоятельство, что вместо *воздействия внешних причин* мы нашли для организма определение *возбуждения внешними потенциями*, составляет важный шаг на пути к истинному представлению организма. Здесь — начало идеализма, утверждающего, что вообще ничто не может иметь положительного отношения к живому, если живое само по себе не есть возможность такого отношения, т. е. если последнее не определено понятием и, следовательно, не является полностью имманентным субъекту. Но никакому научному хаосу рефлексивных определений не уступает по отсутствию философского смысла введение таких формальных и материальных моментов в *теорию возбуждения*, какие долгое время считались философскими. Такова, например, совершенно абстрактная противоположность *рецептивности* и *способности действовать*, которые будто бы как факторы обратно пропорциональны друг другу

по величине; это представление разрешает все различия, существующие в организме, в *формализм* чисто количественного различия, *увеличения и уменьшения, усиления и ослабления*, т. е. приводит к максимальному *отсутствию понятия*. Теория медицины, построенная на этих сухих, рассудочных определениях, исчерпывается дюжиной положений; и не удивительно, если она нашла быстрое распространение и многих придерженцев. Повод к этому заблуждению заключался в основном ошибочном учении об абсолютном, которое определялось как абсолютное безразличие субъективного и объективного, так что все определения должны были оказаться лишь *количественными* различиями. На деле же душой абсолютной формы, понятия и жизненности, является только качественное, снимающее себя в самом себе различие, диалектика абсолютного противоположения. Поскольку эта истинная бесконечная отрицательность остается непознанной, можно воображать, что нельзя сохранить абсолютное тождество жизни, не превратив различие в чисто внешнее различие рефлексии (подобно тому, как у Спинозы атрибуты и модусы находятся лишь во внешнем рассудке); но тогда жизнь вообще теряет *отправную точку* самости, принцип самодвижения, разъятие самого себя в самом себе¹²⁰.

Совершенно нефилософским и грубо-чувственным следует, далее, считать прием, который¹²¹ на место определений через понятие прямо ставил *углерод и азот, кислород и водород* и согласно которому интенсивное различие ближе определялось как *большее или меньшее* количество того или другого вещества, а действительное и положительное отношение внешних раздражений рассматривалось как *добавление недостающего* вещества. При таком, например, *заболевании*, как нервная горячка, в организме с этой точки зрения получает преобладание азот, потому что мозг и нервы вообще представляют собой азот в *потенциальном виде* (химический анализ ведь показывает, что он является *главной составной частью* этих органических образований); поэтому в организм пациента надо ввести добавочное количество *углерода*, чтобы восстановить равновесие этих *веществ* и тем самым здоровье. Средства, которые эмпирически оказались действенными против нервной горячки, именно поэтому считаются относящимися к группе *углерода*, и вот такое-то поверхностное сопоставление и мнение выдается за *конструкцию и доказательство*. Грубость этого подхода заключается в том, что самое поверхностное *carum mortuum*, мертвое вещество, в котором химия вторично умертвила умершую жизнь, принимается за *сущность живого организма* и даже за *его понятие*.

Незнание и невнимание к понятию вообще ведут к беззаботному формализму, к тому, что чувственные материалы вроде химических веществ и отношения, принадлежащие к сфере неорганической природы, вроде северной и южной полярности магнетизма, а также различие самого магнетизма и электричества употребляются вместо понятийных определений, и для постижения и развертывания природного универсума к его различным сферам пристегивается схема¹²², изготовленная из подобного материала. При этом возможно большое разнообразие форм, ибо произвол руководит выбором, принять ли за схему определения из химической, например, сферы, где они обнаруживают себя в качестве кислорода, водорода и т. д., и затем перенести их на магнетизм, механизм, растительный и животный мир и т. д., или же взять за основу магнетизм, электричество, мужской и женский пол, сжатие и расширение и т. д., вообще любую пару противоположностей из какой угодно сферы и затем применить ее к остальным сферам.

§ 360 [506] *

Потребность является *определенной*, и ее *определенность* есть момент ее всеобщего понятия, хотя и проявляющийся в бесконечном разнообразии частностей. Влечение есть деятельность, направленная к снятию недостатка такой определенности, т. е. ее *формы*, в силу которой она на первых порах только *субъективна*. Поскольку содержание определенности изначально *содержится* в деятельности и только осуществляется ею, оно есть *цель* (§ 204); и влечение как имеющееся только в живом есть *инстинкт*. Названный формальный недостаток есть внутреннее *возбуждение*, а специфическая по своему содержанию определенность последнего обнаруживается вместе с тем как отношение животного к особенным индивидуализациям различных сфер природы.

Примечание. Загадочность инстинкта, которая затрудняет его понимание, состоит исключительно в том, что цель может быть понята только как внутреннее *понятие*, так что голые рассудочные объяснения и отношения вскоре обнаруживают свою неадекватность инстинкту. Основательное определение, которое дал живому Аристотель, учивший, что его следует понимать как действующее согласно его целям, было почти утрачено в новое время, пока Кант не восстановил это понятие в виде принципа *внутренней целесообразности*, согласно которому живое должно быть понимаемо как *самоцель*¹²⁴. Главный источник затруднений в этом вопросе заключается в том, что цель представляет-

ся обыкновенно как *внешняя* и обычно думают, будто цель существует только в сознании. Инстинкт есть целевая деятельность, действующая бессознательно.

§ 361 [507]

Поскольку потребность есть связь со *всеобщим* механизмом и с абстрактными силами природы, инстинкт существует лишь как *внутреннее*, даже и не симпатическое, возбуждение (во сне и бодрствовании, в климатических и других переселениях и т. д.). Но как отношение животного к *своей* неорганической, *единичной* природе инстинкт вообще *определен*, и в соответствии с дальнейшей партикуляризацией только ограниченная сфера всеобщей неорганической природы является для него *своей*. Инстинкт есть по отношению к ней *практическое* поведение, внутреннее возбуждение, связанное, по видимости, с возбуждением внешним, и его деятельность есть частично *формальная*, частично *реальная ассимиляция* неорганической природы.

§ 362 [509]

Поскольку [инстинкт] направлен на формальную ассимиляцию, он внедряет свой импульс во внешние вещи, сообщает им как материалу *внешнюю* целесообразную *форму* и придает этим вещам *устойчивое* объективное существование (как при постройке гнезд и других видов жилья). Но *реальным* процессом он является постольку, поскольку он разъединяет (*vereinzelt*) неорганические вещи или вступает в отношение к уже разрозненным, ассимилируя их посредством потребления и уничтожения их специфических качеств; это — процесс взаимодействия с *воздухом* (дыхание и процесс кожи), с *водой* (жажда) и с индивидуализированной землей, с ее особенными образованьями (голод). Жизнь, субъект этих моментов тотальности, напрягается в самой себе как понятии и в его моментах как во внешней для жизни реальности и представляет собой непрестанный конфликт, в котором она преодолевает эту внешность. Так как животное, действующее здесь как непосредственно единичное, может действовать таким образом лишь в условиях всесторонней единичности (в данном месте, в данное время и т. д.), то эта самореализация не соответствует его понятию, и животное постоянно отбрасывается от удовлетворения к состоянию потребности.

§ 363 [513]

Механическое овладение внешним объектом есть начало; сама *ассимиляция* есть перевод внешнего в самостное единство. Так как животное есть субъект, простая отрицательность, то эта ассимиляция не может быть по своей природе ни механической, ни химической, поскольку в этих процессах как вещества, так и условия и деятельность остаются *внешними* друг для друга, лишенными живого, абсолютного единства.

§ 364 [514]

Ассимиляция есть, во-первых, поскольку живое представляет собой *всеобщую* власть над своей внешней, противоположной ему природой, *непосредственное* смыкание воспринятого внутрь с животностью, проникновение, заражение ею и *простое превращение* (§ 345, примечание и § 346). Во-вторых, как *опосредствование* ассимиляция есть *переваривание* — противоположение субъекта внешнему¹²⁸, различающееся в дальнейшем как процесс животной воды (желудочного и панкреатического сока, животной лимфы вообще) и животного огня (желчи, в которой *обращенность* организма в *самое себя* переходит от своей концентрации в селезенке к *бытию-для-себя* и к *деятельному пожиранию*)¹²⁹, причем, однако, эти последние процессы суть тоже частные заражения (Infektionen).

§ 365 [515] *

Но это *вхождение* в связь с внешним, возбуждение и самый процесс относится к *всеобщности* и к *простому* отношению живого к себе так же и как нечто внешнее; само это вхождение в связь¹³⁰ составляет, таким образом, объект и отрицательное по отношению к субъективности организма, который должен это преодолеть и переварить. Это обращение точки зрения есть принцип рефлексии организма внутрь себя; возвращение внутрь себя есть отрицание его¹³¹ направленной наружу деятельности¹³². Оно имеет двойной характер¹³³, поскольку организм, с одной стороны, выделяет из себя¹³⁴ свою деятельность, вошедшую в конфликт с внешностью объекта, а с другой, — став для себя непосредственно тождественным с этой деятельностью, воспроизводит себя в этой среде. Обращенный вовне процесс превращается, таким образом, в первый формальный процесс простого воспроизведения из самого себя, в смыкание с самим собой.

Примечание. Главным моментом в пищеварении служит *непосредственное действие жизни как власти над своим неорганическим объектом*, который она¹³⁵ предпосыпает себе как возбуждающее раздражение лишь постольку, поскольку она *в себе* тождественна с ним, но в то же время является его идеальностью и для-себя-бытием. Это действие есть *инфекция* и непосредственное превращение; ему соответствует вскрытое в характеристике целесообразной деятельности непосредственное овладение объектом (§ 208). Непосредственность, с которой живое как *всеобщее без дальнейшего опосредствования*, через одно лишь соприкосновение и принятие питательной среды в свое тепло и в свою сферу вообще включает себя в эту среду *без всяких перерывов* (*kontinuiert*), была доказана также эмпирически и вскрыта соответственно понятию опытами *Спалланцани* и других и новейшей физиологией в противовес представлению о чисто механическом, выдуманном *выделении и отделении* уже готовых¹³⁶, годных частей или о некоем *химическом* процессе. Но исследование посредствующих операций не открыло каких-либо более определенных моментов этого превращения (как, например, у растительных веществ мы имеем ряд процессов *брожения*). Наоборот, было, например, показано, что уже из желудка многое переходит прямо в соки, не нуждаясь в прохождении остальных ступеней опосредствования; что панкреатический сок есть не что иное, как слюна, так что без *панкреатической железы* можно было бы¹³⁷ обойтись, и т. д. Последний продукт, млечный сок, который *вливается* в кровь через *грудной поток*, есть та же лимфа, выделяемая каждым отдельным органом, повсеместно вырабатываемая кожей и лимфатической системой в непосредственном процессе превращения и повсеместно присутствующая в уже готовом виде. Низшие животные организмы, представляющие собой вообще лишь застывшую в кожную точку или трубочку (в простой кишечный канал) лимфу, не идут дальше такого непосредственного превращения. *Опосредсованный* пищеварительный процесс является в животных организмах с точки зрения его *специфического продукта* совершенно таким же *излишеством*, каким у растений служит произведение семени, опосредуемое так называемым половым различием. В *эксрементах*, особенно у детей, у которых прирост материи особенно бросается в глаза, зачастую большая часть пищевых средств нередко оказывается неизмененной и смешанной преимущественно с *животными* веществами, каковы *желчь*, фосфор и т. п., так что главное действие организма сводится в данном случае к преодолению и выводу своих собственных продуктов.

Завершение организма не есть поэтому завершение *внешней целесообразности*, ибо он не останавливается на обращении своей деятельности и формы против внешнего объекта, но превращает в объект самый этот процесс, который ввиду своего внешнего характера все время готов стать механическим и химическим. Это поведение было охарактеризовано в своем месте как вторая посылка во всеобщем умозаключении целесообразной деятельности (§ 209). Организм есть смыкание с самим собой в своем внешнем процессе; единственное, что он черпает и приобретает из этого процесса, есть млечный сок, этот всеобщий принцип его животности; и поэтому, будучи для-себя-сущим живым понятием, он есть вместе с тем дизъюнктивная деятельность, которая отбрасывает от себя этот процесс, отвлекается от своего гнева против объекта, этой односторонней субъективности, становится благодаря этому для себя тем, что он есть в себе — субъективным, а не нейтральным тождеством своего понятия и своей реальности, и обретает, таким образом, в качестве конца и продукта своей деятельности то, что он уже есть с самого начала. В силу этого *удовлетворение* является *разумным*; направленный во внешнее различие процесс переходит в процесс взаимодействия организма с самим собой, и результатом оказывается не простое произведение средства, а произведение цели — смыкание с самим собой.

§ 366¹⁴⁵ [533]

Посредством процесса взаимодействия с внешней природой животное дает своей внутренней самодостоверности, своему субъективному понятию истину и объективность: оно становится *единичным индивидуумом*. Это *произведение* самого себя есть, таким образом, самосохранение, или *воспроизведение*; но в себе субъективность, ставшая продуктом, оказывается, далее, снятой в своей *непосредственности*; понятие, сомкнувшееся таким образом с самим собой, определено как *конкретное, всеобщее, как род*¹⁴⁶, который вступает в отношение и в процесс взаимодействия с единичностью субъективности.

с. Родовой процесс¹⁴⁸

§ 367 [534]

Род составляет *в-себе-сущее* простое единство с единичностью субъекта, который имеет в нем свою конкретную субстанцию. Но всеобщее

есть перводеление (*Urteil*), цель которого стать из этого своего разделения в самом себе *сущим для себя единством*, положить себя существующим в качестве *субъективной всеобщности*. Этот процесс ее смыкания с самой собой содержит в себе как отрицание лишь внутренней всеобщности рода, так и отрицание лишь непосредственной единичности, в которой живое наличествует как еще природное; вскрытое в выщеизложенном процессе (см. § 366) отрицание этой единичности является лишь первым, лишь непосредственным. В этом процессе рода то, что является только живым, может погибнуть, ибо как таковое оно не возышается над природностью. Но моменты родового процесса, имея своей основой еще не субъективное всеобщее, еще не *единый* субъект, распадаются и существуют в виде ряда отдельных процессов, которые заканчиваются разными способами *смерти живущего*.

a. Род и виды

§ 368¹⁵⁷ [540] *

В своей в себе сущей всеобщности род обособляется прежде всего на виды.

Различные образования и порядки (*Ordnungen*) животных имеют в своей основе всеобщий, определенный понятием, *тип животного*, и природа представляет его частично в форме *различных ступеней развития* — от простейшей организации до совершеннейшей, в которой она является орудием духа, частично же в форме различных *обстоятельств и условий элементарной природы*. Развившийся до единичности вид животного есть то, что в себе и через самого себя различает себя от других и через отрицание других становится *для себя*. И вследствие этого враждебного низведения других на степень неорганической природы *насильственная смерть* есть естественная судьба индивидуумов¹⁵⁸.

Примечание. В зоологии, как в естественных науках вообще, главный интерес заключается в том, чтобы отыскать для субъективного познания твердые и простые *признаки классов, порядков и т. д.* Только после того как эта цель построения так называемых искусственных систем в познании животных отошла на второй план, открылась возможность более глубокого взгляния, направленного на *объективную природу* самих животных образований. Среди эмпирических наук едва ли найдется другая, которая приобрела бы в последнее время столько нового — не в смысле массы наблюдений (в этом не было недостатка ни у одной на-

уки), а в смысле проработки ее материала в направлении к понятию, — сколько приобрела зоология через свою вспомогательную науку — *сравнительную анатомию*. Вдумчивое природоведение (преимущественно у французских естествоиспытателей), воспринявшее деление растений на однодольные и двудольные, создаваемое в животном царстве наличием или отсутствием *позвоночника*; основное деление животных свелось, таким образом, по существу к тому, которое уже было усмотрено Аристотелем^{158а}.

Далее, центром внимания отчасти стал облик отдельных образований как определяющая конструкцию (*die Konstruktion*) *всех частей*, внутренняя связь, так что великий основатель сравнительной анатомии Кювье мог с гордостью заявить, что он берется по одной кости распознать существенную природу всего животного. Отчасти же всеобщий тип животного был прослежен через все, даже самые, казалось бы, несовершенные и разрозненные образования, он был познан в их зачаточных намеках (как в смешении органов и функций было познано их значение) и благодаря этому вознесен из круга особенностей в свою всеобщность.

Одной из главных черт этого подхода является познание того, как природа приспосабливает и принарывает данный организм к той стихии, в которую она его бросает, к тому климату, к тому питанию, вообще к тому миру, в котором он живет (таким миром может быть и отдельная растительная или другая животная порода)¹⁵⁹. При этом для специального определения правильный инстинкт натолкнул на то, чтобы характерные признаки находить в зубах, когтях и т. д. — в *оружии* животного, ибо именно этим оружием оно полагает и сохраняет себя против других как сущее для себя, т. е. само себя различает.

Непосредственность идеи жизни — причина того, что понятие¹⁶⁰ не существует в жизни как таковое; и поэтому его наличие бытие подчиняется многочисленным условиям и обстоятельствам внешней природы и может являться в самых жалких формах; *плодородность* земли порождает жизнь *повсюду* и любого вида. Животное царство способно, пожалуй, еще меньше других сфер природы явить собой внутренне независимую разумную систему организации, сохранить определяемые понятием *формы* и отстоять их против несовершенства и смешения условий от путаницы, вырождения и переходов. Эта немощь понятия в природе вообще¹⁶¹ не только подчиняет образование индивидуумов внешним случайностям — развитое животное (и человек в особенностях) подвержено уродствам, — но и отдает роды целиком во власть изменений внешней общей жизни природы, изменчивость которой жи-

вотное сопреживает (ср. § 392, примечание), будучи, таким образом, только сменой здоровья и болезни. Внешнее случайное окружение содержит в себе почти одно только чуждое; оно действует как постоянное насилие и угроза опасности на чувство животного — *неуверенное, робкое, несчастное*¹⁶².

β. Половое отношение¹⁴⁹

§ 369¹⁵⁰ [536]

Это первое разъятие рода на виды и дальнейший переход видов к непосредственному, исключающему бытию-для-себя, присущего единичности, есть лишь отрицательное и враждебное отношение к другим. Но род есть в такой же мере и позитивное отношение единичности к себе в силу ее родового характера; так что, будучи исключающей ориентацией индивида против другого индивида, род в то же время непрерывно продолжается в другом индивиде и в этом *другом* индивиде ощущает самого себя.

Это отношение есть *процесс*, который начинается с *потребности*, поскольку индивидуум как *единичное* оказывается несоразмерным имманентному роду¹⁵¹ и вместе с тем является его тождественным отношением к себе в одном единстве; и, таким образом, он *чувствует* этот недостаток¹⁵². Поэтому род в нем как напряжение, вызванное несоразмерностью его единичной действительности, становится стремлением достигнуть самоощущения в другом представителе того же рода, восполнить себя через соединение с ним и через это опосредствование сконструировать род с собой и дать ему существование, — это есть процесс *сопротивления*¹⁵³.

§ 370 [539]

Продукт есть *отрицательное тождество* различных единичностей, являющееся в качестве *ставшего рода* бесполой жизнью. Но с *природной* стороны этот продукт лишь *в себе* является родом, отличаясь от единичностей, различие которых исчезает в нем¹⁵⁵, и в то же время сам оказывается непосредственно единичным, предназначенным к тому, чтобы развиться в ту же самую естественную индивидуальность, притянуть к такой же различенности и тленности. Этот процесс размножения переходит, таким образом, в дурную бесконечность прогресса. Род со-

храняется только через гибель особей, которые в процессе оплодотворения выполняют свое назначение, и, поскольку они не знают ничего более высокого, они идут затем навстречу смерти¹⁵⁶.

γ. Болезнь индивидуума

§ 371 [557]

В лице¹⁶⁹ двух рассмотренных отношений протекает процесс самоопосредствования рода с собой, осуществляющийся через его разъятие на индивидуумы и через снятие их различия. Но поскольку, далее, род (§ 357) принимает образ внешней всеобщности, направленной против индивидуума неорганической природы, постольку он абстрактно-отрицательным путем приходит в этом индивидууме к существованию. Отдельный организм вполне может в этой внешней форме своего наличного бытия как не соответствовать своему роду, так и сохраняться в нем, возвращаясь в самое себя (§ 366). Он находится в состоянии болезни, когда одна из его систем или органов, будучи возбуждена в конфликте с неорганической потенцией, обособляется для себя и упорствует в своей особенной деятельности против деятельности целого, текучесть которого и через все моменты проходящий процесс наталкиваются, таким образом, на препятствие.

§ 372 [563]

Своеобразное явление болезни заключается в том, что тождество всего органического процесса¹⁷² представляется в виде последовательного протекания жизнедеятельности через ее различные моменты, через чувствительность, раздражительность и воспроизведение, т. е. представляется в виде лихорадки, которая, однако, как протекание totальности в противовес единичной деятельности есть уже попытка и начало исцеления.

§ 373 [568] *

Целебное средство побуждает организм¹⁷³ снять то *особенное* возбуждение, в котором зафиксирована формальная деятельность целого, и восстановить текучесть особенного органа или особенной системы в составе целого. Это достигается лекарством благодаря тому, что оно

есть раздражение, но с трудом поддающееся ассилияции и преодолению, так что организм наталкивается в нем на что-то внешнее, против чего он вынужден напрячь всю свою силу. Обращаясь против внешнего, он выходит из отождествившейся с ним ограниченности, которая сковывала его прежде и против которой он не может действовать, пока она не стала для него объектом.

Примечание. Главная точка зрения, с которой следует рассматривать лекарства, заключается в том, что они представляют собой нечто *неудобоваримое*. Определение неудобоваримости относительно, но, однако, не в том неопределенном смысле¹⁷⁴, в каком легко перевариваемым называется лишь то, что могут вынести организмы более слабого сложения; ведь для более крепких организмов как раз это и неудобоваримо. Имманентная относительность понятия, имеющая в жизни свою действительность, качественна по своей природе, а в количественных терминах, поскольку они здесь приложимы, она состоит в тем большей однородности, чем *самостоятельнее* в самих себе противоположные моменты¹⁷⁵. Для низших, не достигающих в себе различия животных образований удобоваримо (так же как и для растения) только лишенное индивидуальности *нейтральное* — вода. Для детей удобоварима, с одной стороны, совершенно *однородная* животная лимфа, материнское молоко, т. е. нечто уже переваренное или, вернее, лишь непосредственно и вообще претворенное в животность, в самом же себе лишенное дальнейшей дифференциации, с другой стороны, те из различных веществ, которые наиболее далеки от созревшей индивидуальности. Наоборот, для окрепших натур именно такого рода вещества неудобоваримы: животные вещества как более индивидуализованные, а также получившие под действием света более сильную самость и поэтому именуемые «крепкими» растительные соки перевариваются ими легче, чем, например, еще лишь нейтрально окрашенные и ближе стоящие к специальному химизму растительные продукты. Ввиду своей более интенсивной самости вышеназванные вещества образуют более резкую противоположность, но именно поэтому они суть более однородные раздражения. Лекарства являются, таким образом, *отрицательными* раздражениями, ядами; организму, который в болезни стал отчужденным от самого себя, предлагается нечто возбуждающее и вместе с тем неудобоваримое как *внешняя* чуждая сила, против которой он должен сосредоточиться и вступить в борьбу, чтобы в результате вернуть себе самоощущение и свою субъективность.

*Броунианство*¹⁷⁶ было, конечно, пустым формализмом, поскольку оно выдавало себя за полную систему медицины и поскольку определение болезней сводилось в нем к степени и астении, да разве еще к прямой и косвенной астении, а действие лекарств — к слабым и сильным степеням¹⁷⁷ и поскольку эти различия редуцировались далее¹⁷⁸ к углероду и азоту с кислородом и водородом или к магнитному, электрическому и химическому моментам и к тому подобным формулам, претендующим на натурфилософское значение. И все-таки, несмотря на это, броунианство способствовало тому, что понимание болезней и лечебных средств возвысились над одним лишь частным и специфическим, что сущность тех и других была усмотрена во *всеобщем*. Благодаря оппозиции Броуна прежнему, в целом скорее *астенизирующему* методу¹⁷⁹ выяснилось также, что организм реагирует на самые противоположные способы лечения не противоположным, а часто, хотя бы в своих конечных результатах, одинаковым и, следовательно, *всеобщим* образом и что *простая тождественность* организма с самим собой оказывается в специфических раздражениях как субстанциальная и подлинно действенная деятельность против частной скованности и отдельных его систем. Как ни общи, а стало быть, и недостаточны по сравнению с огромным разнообразием болезненных явлений те указания, которые даны в тексте настоящего параграфа и в примечании к нему, все же только прочная основа понятия способна провести нас через все частности, а тем более сделать понятным все то в болезнях и их лечении, что кажется экстравагантным и странным привычному взору, прикованному к внешней оболочке специфических явлений.

§ 374 [573]

В болезни, в которой животное связывается с неорганической потенцией и закрепляется в какой-либо из своих особенных систем или органов против единства своей жизни, — в болезни организм животного является наличным бытием определенного количества силы; он может преодолеть свое раздвоение, но точно так же и погибнуть от него, найдя в нем один из *способов своей смерти*. Вообще преодоление и исчезновение единичной несоразмерности не устраниет всеобщую несоразмерность, единственную индивидууму, потому что его идея *непосредственна*, потому что в качестве животного он находится *внутри природы* и его субъективность *есть* понятие лишь *в себе*, а не для самого себя. Внутренняя всеобщность остается поэтому по отношению к есте-

ственной единичности живого *отрицательной* силой, от которой оно терпит ущерб и гибнет, ибо его наличное бытие как таковое не имеет само этой всеобщности в самом себе и, следовательно, не обладает соответствующей ей реальностью.

д. *Смерть индивидуума из себя самого*¹⁸⁰

§ 375 [574]

Всеобщность¹⁸¹, согласно которой животное как единичное имеет *конечное* существование, обнаруживает себя в нем как абстрактная сила на исходе тоже абстрактного, протекающего внутри него процесса (§ 356). Его несоразмерность со всеобщностью есть его *изначальная болезнь* и прирожденный зародыш *смерти*. Снятие этой несоразмерности и есть свершение его судьбы. Индивидуум снимает ее, внедряя во всеобщность свою единичность, но, поскольку последняя абстрактна и непосредственна, он достигает при этом лишь *абстрактной объективности*, в которой его деятельность притупилась и окостенела и жизнь превратилась в лишенную процесса *привычку*, так что он умерщвляет себя изнутри.

§ 376 [576]

Но¹⁸² это достигнутое тождество со всеобщим есть снятие *формальной противоположности, непосредственной единичности и всеобщности индивидуального*, и это есть лишь одна, и притом абстрактная, сторона дела — *смерть природного*. Однако субъективность есть в идее жизни понятие, она есть поэтому *в себе* абсолютное *в-самом-себе-бытие действительности* и конкретная всеобщность; через указанное снятие непосредственности ее реальности она сомкнулась сама с собой. Последнее *вне-себя-бытие* природы оказывается снятым; и понятие, сущее в природе лишь *в себе*, стало тем самым *для себя*. Природа перешла, таким образом, в свою истину, в субъективность понятия, сама *объективность* которого есть снятая непосредственность единичности, *конкретная всеобщность*, так что положено понятие, которое обладает соответствующей ему реальностью, понятием как своим *наличным бытием*, т.е. положен *дух*.